

Дни сначала проходили быстро, а потом стали тянуться все медленнее и медленнее, когда она молча сидела на уроках, молча обедала, молча сидела в библиотеке.

Я не буду терять самообладания. Я не буду выпендриваться.

Гермиона Дирборн, тихая чистокровная когтевранка. Роль становилась невыносимой.

К тому же у нее было слишком много времени, чтобы сидеть, думать, гадать и расстраиваться. Она думала, что заскучает еще до возвращения в 1944 год...

Когда ученики начали специализироваться, разделение классов по домам распалось, тем более что для таких мелких предметов, как арифметика, существовало всего один или два набора. В ее время был только один, но, по ее подсчетам, в нынешнем Хогвартсе было по крайней мере на двести студентов больше, чем в ее время.

Она знала об этом, знала, что в девятые годы войны сократили число магических детей в Хогвартсе, но видеть полный Большой зал на ужине, видеть разницу в классах - все это не давало ей покоя.

Гермиона надеялась обойтись без Риддла из-за дополнительного года обучения, но он был на уроках Нумерологии, Зельеварения, Защиты от Тёмных искусств, Древних рун и Трансфигурации. Она была свободна от него только на Историях магии и Заклинаний.

И это убивало ее, когда она сидела и смотрела, как все эти приятные баллы Дома раздаются другим людям - особенно ему.

Конечно, без посторонней помощи она не собиралась оставаться незамеченной. Ей пришлось прикрепить на ожерелье тонкий амулет, чтобы не привлекать к себе внимания - особенно со стороны учителей, которым не терпелось включить новую яркую ученицу в свои уроки.

Она была весьма довольна этим амулетом, который был похож на тот, что она использовала для защиты палатки, но был гораздо менее сильным: люди фиксировали ее присутствие, но их интерес угасал. Учителям не приходило в голову спрашивать у нее ответы, другие ученики не пытались завязать с ней разговор или подружиться. Это была блестящая магия - и все же...

И все же - это было ужасно. Гермиона ненавидела сидеть, как маленькая тихая мышка, когда знала ответ на каждый вопрос. Ненавидела задрать люки, отмахиваясь от роли, которая досталась так неестественно.

И больше всего она ненавидела сидеть в двух рядах от того, кого одновременно боялась и хотела ударить.

Прошел ровно двадцать один день с момента ее приезда, прежде чем Гермиона сломалась. Три

недели его невыносимого самодовольства и кажущегося беспрецедентного превосходства. Три недели, чтобы ощутить всю силу того, насколько раздражающей она, должно быть, была в школе. Это было хуже, чем видеть себя в зеркале. В Томе Ридdle Гермиона могла увидеть то, как она могла бы себя вести.

Ему редко приходилось поднимать руку. Учителя автоматически обращались к нему по всем сложным вопросам.

Красавчик Том Риддл, такой талантливый, такой умный и в то же время такой скромный. С нее было достаточно. Рука так и чесалась ударить его по самодовольному лицу или взмыть в воздух.

И вот, в четвертую пятницу сентября, во время утреннего перерыва между Нумерологией и Зельеварением, Гермиона пошла в туалет для девочек, сорвала с шеи ожерелье и выбросила его в окно.

Ей пришлось выслушивать, как эта высокомерная, слизеринская жаба получила десять баллов - десять! - за арифметический ответ, который был верен лишь частично. Это было невероятно! Невыносимо. Профессор Вульф практически ворковала с ним.

Тьфу. Она выдернула волосы из пучка, сбрасывая с себя роль, в которую пыталась себя загнать. Она сойдет с ума, если будет продолжать в том же духе. Она сердито прихлопнула муху, затем схватила раковину и сделала глубокий, медленный вдох, чтобы охладить свои эмоции. Если бы она явилась на "Зельеварение" в таком виде, то, наверное, разнесла бы все подземелья. А потом она вдруг расплакалась, захлебываясь отчаянными рыданиями, потому что это было невыносимо.

Она как наэлектризованная следила за каждым движением и выражением лица Тома Риддла, когда они находились в одной комнате. Она чувствовала себя как газель, пасущаяся рядом со стадом хищных львов, - всегда готовая бежать, как черт от ладана.

Гермиона наблюдала за Томом Риддлом, никогда не глядя на него прямо. Она наблюдала за ним все время. Он был в уголке ее глаза во время еды, в классе, в библиотеке.

От этого ее тошнило. Ей хотелось ударить его по лицу и проклясть до беспамятства.

Гермиона хотела показать Тому Риддлу, что она тоже может быть хищницей.

Обещание будущей битвы скользнуло по позвоночнику, как дыхание покоя, возвращая ей контроль над собой.

"Темпус", - прошептала она чуть хриловато. У нее было ровно семь минут, чтобы привести себя в порядок и добраться до Зельеварений.

Слишком многое поставлено на карту для этих любительских театральных представлений, - сказала она довольно растрепанному образу себя в зеркале, умыла лицо и взяла сумку. Вы не Гарри Поттер, и волшебного решения здесь не будет. Вы застряли здесь, и вам предстоит жить. Так проживи ее, но, ради Гекаты, не облажайся. Тебе приходилось сталкиваться и с худшим.

Решив, что если Риддл не может правильно ответить на элементарный вопрос по нумерологии, то неудивительно, что он настолько глуп, что создал семь Крестражей, она подхватила сумку и отправилась в долгий путь к подземельям, чувствуя себя Гермионой Грейнджер больше, чем за последние недели.

<http://tl.rulate.ru/book/114689/4448109>